

ИРИНА ЧЕРНОВА,

менеджер проекта фирмы “SOCIS Gallup International”

Этнометодология в контексте становления

Abstract

Just after appearance of ethnomethodology this branch of sociology has been considered as one without perspectives. However ethnomethodology is the treasury of ideas, which can manage study of social reality to the new level of understanding. Analysis of origination context of ethnomethodology will help to conceive ethnomethodological principles, approaches and methods to social reality study.

В 1967 году впервые был опубликован труд Г.Гарфинкеля “Исследования по этнометодологии” [1]. Гарфинкеля можно считать основателем этнометодологии; именно он ввел в оборот этот термин в социологии.

Показательно, что Гарфинкель сформировался как социолог под влиянием Т.Парсонса (1946–1952). Эти годы в научной биографии Гарфинкеля составляют Гарвардский период формирования его взглядов. В 1946 году кафедрой только что сформированного отдела социальных отношений в Гарвардском университете руководил Парсонс, который всячески стимулировал развитие систематической социологической теории.

Сформировавшись в устоявшейся теоретической атмосфере, Г.Гарфинкель впоследствии вышел за рамки парсонсовской парадигмы, которой было суждено доминировать еще долгие годы. Критика Гарфинкеля задала тон дискуссиям о социологической теории почти на три десятилетия вперед. Социологическое сообщество отказалось признать идеи Гарфинкеля, восприняв их как претенциозный выпад против исходного положения господствовавших в то время теорий, согласно которым общество является структурой ролей, пребывающих в соотношениях взаимобмена. Таким образом, одно из главных обвинений, предъявленных этнометодологии, заключалось в том, что она является “способом отрицания социальной организации как таковой”. И в этом обвинении были единодушны и конфликтологи, и теоретики систем [2; 3].

Общее отношение к этнометодологии было почти полностью негативным [4], ибо, невзирая на то, что исследования Г.Гарфинкеля содержали мощный теоретический потенциал, они не были сформулированы системно, в понятиях классической социологии. Неоправданная сжатость изложения и терминологическая непроясненность породили неадекватное понимание со стороны последователей (за исключением разве что Э.Гидденса [5; 6]).

Прежде всего нас интересует, как именно от парсонсовской теории действия Г.Гарфинкель перешел к этнометодологии, какие пути привели его к пересмотру природы социального действия и социальной организации, к формулировке новой “когнитивной проблемы порядка”, которая определила фундаментальные основы этнометодологии.

Фундаментальным интегративным механизмом социальных систем, согласно Парсонсу, является институционализация ценностных ориентаций, которая стабилизирует систему социальной интеракции [7]. В этом положении Парсонс исходит из Дюркгейма. Фундаментальную “динамичную теорему социологии”, как считает Парсонс, можно сформулировать таким образом: “стабильность социальной системы... зависит от меры интеграции... общих ценностных образцов с интернализированной структурой связанных с потребностями диспозиций личности...” [7]. Парсонс разработывал *общую* теорию действия на основании определения главных элементов действия в единой системе координат. Однако, с практической точки зрения, он создал *мотивационную* теорию, особенно акцентируя мотивационные аспекты действия. Но в конечном счете, благодаря глобальности и фундаментальности постановки вопроса, введению общей системы координат действия и определению понятия единичного акта (*unit act*), Парсонс дал толчок дальнейшим теориям, которые пытаются разносторонне обосновать эту первичную “микроединицу”. С этой стороны теория Гарфинкеля, конечно, предстает как частичная относительно общей теории действия Парсонса. Но сам Гарфинкель считал ее альтернативой парсонсовскому подходу. Почему же?

Гарфинкелева критика Парсонса начинается с вопроса о знании, которым руководствуются акторы в своих действиях. Гарфинкель считает, что пренебрежение этим вопросом обязательно приводит к утрате конститутивных оснований социальной теории — ее соотносительности с социальным миром, человеческой жизнью и опытом, вне которой место реального мира социальной действительности занимает несуществующий мир научных абстракций. Таким образом, Гарфинкель вышел на критические вопросы, относящиеся к природе и особенностям знания, которое является атрибутом социальных акторов (индивидов). Поскольку последние производят знание, то необходимо его аналитическое толкование в рамках теории действия. Здесь, собственно, и начинается отклонение от парсонсовской линии. Отношение Парсонса к вопросу о знании проявилось в его рассуждениях о рациональности, которую он соотносит с причинностью: рациональное действие поддается причинному объяснению, нерациональное — нет. Ошибочность парсонсовского подхода Гарфинкель усматривает именно в том, что в его пределах основания большинства действий остаются вне поля зрения исследователя, которому доступны только рациональные действия. Однако чистая рациональность — только идеал, а не действительность. Таким образом научная система теряет связь с реаль-

ностью. Как утверждает Гарфинкель, в основе парсонсовского теоретизирования лежит неокантианская эпистемология (“аналитический реализм”), согласно которой оценка действия предполагает применение логико-эмпирических канонов; если такая “апликация” успешна, то действие оценивается как рациональное, в противном случае — как нерациональное. Из этой неокантианской концептуализации знания вытекают такие выводы:

1. Научная рациональность трактуется как фундаментальный стандарт, а знания и взгляды деятелей оцениваются путем сопоставления со стандартом.

2. Сущностные особенности “нерациональных” рассуждений акторов можно игнорировать, поскольку нас интересует не само действие, а то, как такое нерациональное действие реализуется.

Эти выводы заметно повлияли на теоретизирования Т.Парсонса.

Развертывая подход, альтернативный парсонсовскому, Г.Гарфинкель обращается к работе А.Шюца, который ввел в теорию действия фактор знания. Еще в ранних трудах Шюц сосредоточивает внимание на том, что толкование социального мира происходит в социально обусловленных общезначимых категориях. Именно в этих понятиях социальные акторы интерпретируют ситуации своих действий, они опосредствуют интересующее понимание обоснований и мотивов, с их помощью достигается скоординированность действий и вообще управляемость социального мира. Пренебрежение этими конструктами приводит к оторванности социальной теории от реальной жизни социума [8].

Рассуждая о повседневном сознании, в котором “доказанные знания смешаны с туманными предположениями; мотивы, средства и следствия сочетаются без ясного понимания их настоящих связей” [9], Шюц выделяет такие его главные черты.

Первая. В рамках “естественной установки” человек воспринимает как нечто само собой разумеющееся существование мира объектов, а также существование других людей. Однако само собой разумеется и то, что один и тот же объект будет означать нечто разное для разных людей. Следовательно, основное “сомнение повседневности”: вещи не являются таковыми, какими они кажутся [10].

Вторая. Объекты, на которые ориентирован актор, включены в поток опыта посредством постоянно воспроизводимых “синтезов идентификации”. Таким образом, объекты стабилизируются как “самотождественные”.

Третья. Социальное знание относительно любых объектов социального мира остается ограниченным.

Четвертая. Знание типизировано установками повседневной жизни, в которой оно является основанием действия, хотя всегда остается сомнение относительно валидности этого знания.

Наконец, *пятая.* Интерсубъективное понимание в социальном мире достигается благодаря усвоению актером “главного тезиса относительно взаимодействия перспектив”, то есть типизации индивидуального опыта. Невзирая на разницу перспектив, биографий, мотиваций акторов, имеющих различный опыт в мире, истолковываются эти индивидуальные опыты как “идентичные для всех практических целей”. Или типизация опыта, или отсутствие интересующего понимания в социальном мире.

Благодаря выделению этих признаков, Шюц различает понятие научного и повседневного знания и утверждает, что идеального рационального действия нет в повседневном мире, где “действия могут быть частично рациональными, а сама рациональность имеет много уровней” [11].

Опираясь на эти положения, Гарфинкель пришел к выводу, что идеальная парсонсовская стратегия далека от научной адекватности; навязывание стандартов для оценки общественного сознания недопустимо и скорее препятствует анализу практического действия. Такая стратегия на практике может привести к дезорганизации, бездеятельности и аномии в социуме [1]. Выход за рамки идеального понятия рационального действия открывает путь к исследованию действительного знания актора, являющегося основанием его действий. Таким образом Гарфинкель расширяет новую территорию для социологического анализа.

Преыдущие научные модели социальной реальности исходили из шаблона научного знания, экстраполируя его на любую деятельность. Повседневная жизнь изучалась с точки зрения меры ее отклонения от требований этого шаблона. В противовес им, Гарфинкель предлагает подход “этнометодологической индифференции” [12], который предполагает максимально беспристрастное изучение практического действия с точки зрения ее очевидной каузальности.

Итак, Гарфинкель предложил альтернативную парсонсовской теории действия, которая работает на уровне не идеально-рационального, а практического действия. Что же касается рационального действия, то оно отсутствует в этом измерении. Миру социальной действительности отвечает действие практическое, основанное на интересубъектном понимании, которое, в свою очередь, достигается путем интерпретации. Внимание здесь сосредоточено на контекстном характере повседневных пониманий: именно через контексты интерпретируются события.

Специфика социального действия заключается в том, что смысл, который, собственно, интересует исследователя, присутствует здесь в преобразованных формах интерпретаций — как суждения, мнения, точки зрения. Задача исследователя заключается в том, чтобы, работая с этими формами, дистанцироваться от них, не теряя связи с действительностью, и максимально приблизиться к настоящему смыслу.

Подход Гарфинкеля к социальной действительности основывается прежде всего на том, что действие и контекст обоюдно продуцируют и определяют друг друга. Эта посылка проверяется при помощи так называемых экспериментов “разрушения контекста” [13–15].

В любой ситуации действия предполагается либо негласный, либо официально утвержденный договор о том, какое поведение и какие действия акторов считать нормой. Это определяет нормальность в общепринятом ее восприятии (*perceived normality*), которая является критерием для сравнения и имеет эталонный характер. Отметим, что такой эталон имеет ситуативные границы (в отличие от парсонсовской идеальной модели рационального действия как универсального эталона). С этим конструктом согласуются взаимные ожидания акторов.

В случае игры конвенционная нормальность задается корпусом правил, определяющих ряд легально-возможных игровых событий. Знание правил делает возможным использование их как схемы для понимания и

интерпретации действий других игроков. Правила здесь определяют контекст деятельности с условиями, которые ограничивают поле приписываемых субъективных значений. В таких условиях атмосфера доверия является обязательной для игроков. Однако в интересах эксперимента Гарфинкель идет на “злоупотребление доверием”.

Гарфинкель приводит в качестве примера игру в “крестики-нолики”. В чем здесь состоит разрушительный жест? Экспериментатор предлагал игроку сделать мысленно первый ход и сообщить ему об этом, после чего сам заполнял другую клетку, а затем делал свой ход. 95% игроков ощутимо реагировали на такое поведение. Причем 3/4 из них реагировали бурно или требовали выяснения. Эксперимент обнаружил, что нарушающий эффект мотивирует и стимулирует стремление к нормализации. Оказалось также, что те, кто ради разрешения недоразумения были готовы изменить условия и рамки понимания событий (то есть в меньшей мере привязаны к контексту ситуации), например, допускающие, что вызывающий жест задуман как шутка, вели себя менее бурно. Другие же, не собирающиеся отступать от правил (то есть сильнее привязанные к контексту), проявляли значительно большую обеспокоенность. Таким образом, продуцирование интерпретаций (в условиях нарушения ожиданий) драматически влияет на действия и эмоции участников.

Однако область игры отнюдь не тождественна действительности; это лишь ограниченный, искусственно созданный контекст. Поэтому возникает задача перевести эксперимент в сферу повседневного социального действия — в реальный социальный контекст. Анализом ожиданий повседневной жизни с применением эксперимента “разрушения контекста” занимался, как известно, А.Шюц [11]. Гарфинкель ссылается на его наблюдения при анализе повседневного социального действия. В частности, было обнаружено, что нарушение принципа “взаимодействия перспектив” влечет за собой смятение или гнев. Оба эксперимента — А.Шюца и Г.Гарфинкеля — показали, что “общепризнанная нормальность событий” — это точка “встречи” ситуации действия с контекстом деятельности.

В чем же состоит отличие игровых событий от действительных? Если игровые события в социологическом понимании являются закрытыми для человека, то события повседневной жизни (скажем, разговоры типа “привет — привет”, “как дела? — хорошо”) в социологическом смысле “тривиальны”. Это является основанием для детализированного структурного анализа повседневного действия: с внешней (исследование действия через контекст ситуационных обстоятельств) и внутренней (исследование мотивационных аспектов действий) точек зрения.

Мотивационные аспекты (на которых сфокусирован парсонсовский анализ) суть субъективные факторы, но, заглядывая в “черепную коробку”, как пишет Гарфинкель, мы ничего интересного не увидим. Нам нужно знание процедурных аспектов продуцирования и понимания действия. Оставим вопросы, ограничимся операциями, которые помогут нам раскрыть события, “инсценируемые” человеком [13].

Возможный путь анализа действия лежит через контекст. Но является ли контекстуальность повседневных действий единственным ресурсом для их понимания? Кроме того, все ли действия открыты для понимания?

Гарфинкель утверждает, что нет таких действий, которые нельзя объяснить; что любое действие подвергается типизации. В процессе интерпретации можно выделить (1) оценку действия и (2) оценку степени отклонения от нормы или приписывание определенного смысла (в случае отсутствия отклонения). Процесс интерпретации имеет эталонный характер. Феномен “общепринятой (или конвенционной) нормальности” является составляющей механизма интерпретации. Поскольку норма имеет первично конвенционный характер или характер предписания, то и смысл является конвенционным, или приписываемым.

Любое действие поддается контекстуально-ситуационному анализу. Чем больше действие отвечает контексту деятельности и ожиданиям актеров, тем более однозначным будет приписываемый ему смысл. Процедуры интерпретации претендуют на тотальное раскрытие поля действия. Действия, которым приписывается девиантность, будучи расцениваемы в моральном контексте как осознанные и умышленные, обычно объясняются негативными мотивами. Действия, которые слишком отклоняются от нормы, определяют как “бессмысленные”. С такой точки зрения, все действия поддаются типизации на основании “конвенционной нормальности”. Необъяснимых действий нет.

Что касается понимания действия, то здесь нужно остановиться еще на одном моменте. Каждое действие всякий раз анализируется впервые. Здесь становится очевидным противостояние Гарфинкеля и Парсонса.

Нормативная обусловленность может осуществляться опосредствованно: не прямо через нормы, а через связанные с потребностями диспозиции, которые задают моральные нормы, интернализированные в процессе социализации. Нормы, превратившиеся в подобные диспозиции, воплощаются в действиях и ожиданиях акторов. Согласно “нормативной парадигме”, акторы имеют не только одинаковые нормативные установки, но и общее восприятие эмпирических ситуаций [16]. Такой подход, с точки зрения Гарфинкеля, приводит к утрате личности актора. Социальный актер трактуется как “социологизированный человек, действующий в соответствии с общекультурными образцами” [1, с.1–34].

“Нормативная парадигма” исходит из предположения о существовании сферы дискретных ситуаций, в которых действия строятся на нормах. Гарфинкель утверждает, что каждая ситуация действия в той или той мере отличается от остальных. Социальный мир состоит из огромного количества различных ситуаций действия. Конечно же, не существует нормативных предписаний для каждой конкретной ситуации. Следовательно, нормативные предписания создаются в пределах одной ситуации (и для нее) и применяются к другой. Но тогда каждая ситуация подчиняется внешним для нее правилам. Как избежать этой неадекватности?

Ситуация действия уникальна (согласно Гарфинкелю), а значит она аморальна (ибо невозможна ее регуляция моральными нормами). Но как раз норма является у Гарфинкеля центральным понятием в контексте познаваемости и моральной оценки действия.

Гарфинкель, в отличие от Парсонса, рассматривает именно нормативные конвенции, постулирует действенность норм в их первичности. Значение нормативных ожиданий как фактора организации действия не только не отрицается, но утверждается. Точнее, их роль переосмысли-

вается. Гарфинкель, отказываясь от нормативного детерминизма, предлагает анализ, основанный на понятии “нормативная подотчетность (accountability)” действия. С этой точки зрения, нормативные ожидания рассматриваются не как регулятивы, детерминирующие действие; им отводится скорее конститутивная роль в организации действия. Нормативные конвенции Гарфинкель считает главным источником достижения понимания в сфере действия. Актеры, действующие в рамках одного контекста, руководствуются общими нормативными установками и ожиданиями, то есть они способны как оценивать свои действия, так и прогнозировать оценку их на “нормальность” со стороны других участников. Однако нормативные конвенции, применяемые к ситуации действия, не способны охватить все нюансы и особенности конкретного контекста деятельности. Актеры, участники события должны ощущать специфику контекста и действовать не просто в соответствии с нормативными конвенциями, но и учитывая специфические контекстуальные моменты, которые охватываются рамками действия. Речь идет собственно о нормативной подотчетности действия. Характер любых отклонений от нормы оценивается исходя из их контекстов, которые придают им смысл как действиям. Таким образом, моральная подотчетность действия делает возможным вторичное понимание действия, интерпретацию его с точки зрения контекста.

Следовательно, понятие об ответственности за действие, моральная подотчетность действия основывается на предположении, что нормативные конвенции касаются всех.

Нормы, согласно Гарфинкелю, предупреждают отклонения и ограничивают их продуцирование, но не угроза наказания, а “рефлексивное ожидание, предполагаемая анализируемость, моральная подотчетность отклонений” обеспечивают власть норм [15].

Следующий вопрос, затрагиваемый Гарфинкелем и оставшийся непоясненным у Парсонса: как нормативные стандарты сохраняют свою эталонность даже тогда, когда они могут быть относительно свободно нарушены?

Существует две функциональные возможности: (1) согласование действия с нормой и (2) отклонение действия от нормы.

В первом случае норма дает явное объяснение действия: оправдание ее самим фактом своего существования. Во втором случае норма мотивирует поиск аргументов для оправдания отклонения особыми условиями.

Во всяком случае норма является той интерпретативной базой, в понятиях которой действие понимают либо как конформное, либо как девиантное. Именно в этом состоит когнитивное толкование устойчивости норм как социальных институтов.

Таким образом, Г.Гарфинкель преодолевает границы нормативно-детерминистского подхода, в лоне которого, по существу, зародилась “новая этнометодологическая идея”.

Гарфинкель отходит от метода стандартизации при рассмотрении ситуации действия и контекста деятельности, в котором разворачивается действие. Контекст предстает не как раз и навсегда устоявшийся, а как поддерживаемый и воспроизводимый посредством действий и событий. Познание ситуации и действий в ее пределах опосредствуется нормами. Нормы эти не являются жесткими шаблонами, а составляют ресурс гибких

установок, контролируемых, регулируемых и изменяющихся в зависимости от контекста. Ситуации уникальны и неповторимы. В этом смысле специфический характер каждого действия познается всегда впервые.

Вместо регулятивной роли норм (постулированной нормативно-детерминистской парадигмой) выдвигается конститутивная. Благодаря толкованию нормативных конвенций как основного источника когнитивных ресурсов действие предстает как доступное понимание и морально подотчетное, независимо от того, согласуется оно с нормами или нет. В случае девиантного поведения нормы обеспечивают его вторичное понимание в терминах значения и мотива с учетом контекста.

Таким образом, нормы служат институционными основаниями действия, а их стабильность основывается на когнитивных началах.

Осуществив переориентацию парсонсовской концепции действия, главный акцент Г.Гарфинкель перенес на процедурные основания действия, природу его понимания и рефлексивную сущность действия. Такой постановкой вопроса он задал мощный импульс эмпирическим исследованиям, призванным пролить новый свет на старые проблемы. Взгляд на действие человека с точки зрения подотчетности действия сделал возможным новое понимание природы социальной организации, интересубъектности, социальной интеракции, открыв новые перспективы для изучения социальной реальности.

Литература

1. *Garfinkel H.* Studies of Ethnomethodology. — Cambridge, 1984.
2. *Coser L.* Presidential Address: Two Methods in Search of a Substance // *American Sociological Review.* — 1975. — № 40. — P.691–700.
3. *Phillips J.* Some Problems in Locating Practices // *Sociology.* — 1978. — № 12. — P.56–77.
4. *Heritage J.* Ethnomethodology // *Social Theories Today.* — Stanford, 1987.
5. *Giddens A.* New Rules of Sociological Method. — London, 1976.
6. *Giddens A.* Central Problems in Social Theory. — London, 1979.
7. *Parsons T.* Toward a Gem at Theory of Action. — Cambridge, 1951.
8. *Shutz A.* The Social World and Theory of Social Action // *Collected Papers.* — 1962. — Vol.2. — P.3–19.
9. *Shutz A.* The Problem of Rationality in the Social World // *Collected Papers.* — 1962. — Vol.2. — P.64–90.
10. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // *Социологические исследования.* — 1988. — № 2. — С. 129–137.
11. *Shutz A.* Commonsense and Scientific Interpretation of Human Action // *Collected Papers.* — 1962. — Vol.1. — P.3–47.
12. *Garfinkel H., Sacks H.* On Formal Structures of Practical Action // *Theoretical Sociology.* — N.Y., 1970. — P.338–366.
13. *Garfinkel H.* A Conception of and Experiments with “Trust” as a Condition of Stable Concerted Actions // *Motivation and Social Interaction.* — N.Y., 1963. — P.187–238.
14. *Garfinkel H.* What is Ethnomethodology? // *Garfinkel H.* Studies of Ethnomethodology. — Cambridge, 1984. — P.1–34.
15. *Garfinkel H.* Studies of the Routine Grounds of Everyday Activities // *Garfinkel H.* Studies of Ethnomethodology. — Cambridge, 1984. — P. 35–75.
16. *Wilson T.P., Zimmerman A.H.* Ethnomethodology, Sociology and Theory // *Humboldt Journal of Social Relations.* — 1979. — № 7. — P.52–88.